

ОТСТАНЬТЕ ОТ НАС!

Антисемитизм – заразная штука, но подхватывают эту болезнь в основном при контактах с самими евреями.

Дональд **Дей**

Не надо нас поддёргивать за уши и поучать – как нам понимать, ценить и нести в сердце своём стихи Сергея Есенина: мы – большие, мы – разберёмся в истине и скажем его же стоном:

Жизнь моя, иль ты приснилась мне?

Словно я весенней гулкой ранью

Проскакал на розовом коне.

Но есть люди-нелюди: зависть и бездарность правят ими. Несколько лет назад мне

рассказал пьяный земляк Сергея Александровича Есенина – как, ненавидя поэта, он, рифмоплёт, абсолютно лишённый слуха и обоняния к слову, заявился, влез во дворик, через забор влез, прокрался к домику Есенина в Константиново и надругался над памятником Сергею Есенину, нос отколол у мраморного бюста... Ну, а дальше?!

Рассказывал, восхищаясь, обращал моё внимание на то, что и отец его, мародёра отец, рифмовал, современник Есенина, завистью истекал к Есенину, графоман, и в наследство сыну передал бесталанность свою и презрение к истине красоты. В лице моего рассказчика пряталась довольная ухмылка: есенинцу рассказал, есенинца ужалил ядом, есенинцу напакостил, эх!.. Бедные мы, бедные, русские мы, русские, иначе бы разве потерпели подобный садизм над собою, над памятью о гении и пророке?! Бываючи в Константиново, я возвращаюсь мысленно к рассказу мародёра: не солгал, гляньте на мраморный бюст поэта!..

А эти восклицания: “Есенин убит!”, “Есенин повешен!”, “Есенин отравлен!”, “Есенин завёрнут в ковёр и вынесен!..” И – нет у них, у бессовестных кликуш, ни совести, ни жалости, ни сомнения, а они, данные, сопровождающие нас чувства, нужны нам для точности и для благородства, для исповеди перед собою и перед Богом... Иной, встретив живого Есенина, нанял бы сегодня киллера убить поэта, дабы личную “правоту” сберечь в народе... Провокаторы неумолимы. По Москве давно расхаживает недоумок, сея о нас ложь. Стучит и стучит.

Родился он в семье кремлёвской поварихи, обожающей всё-всё, что хоть капелькой масла или запахом высококачественного бифштекса связано с милым и торжественным ЦК КПСС. Любившая много поесть, она рано обучила этому священнодействию и сына. Но сын превзошел её заботы и ожидания: вырос быстро, растолстел быстро, а пошёл не в повара, и, к сожалению матери, начал пыхтеть над какими-то строчками...

Так родился великий национальный лирик, а остальные, кроме него, оказались не русскими поэтами, а наследственными сионистами, поскольку у большинства родители – то крестьяне, то – рабочие, то – гнилые интеллигенты, а не цековские повара. Мама-то лирика специально, лишь для членов Политбюро выпекала румянощекие пончики. И сынок её, тугомордый, румянооплывший, с брюхом – на десятерых омовцев хватит! – огромный двадцатикилограммовый пончик. Тяжелше любого члена Политбюро. А думать не хочет, балда несуразная! Азбука морзе...

Есть же среди русских людей не сионисты? Конечно, рекомендацию его рукописям и ему давали русские, но, оказалось, – сионисты. И из Литературного института отчислили его, балду, за неуспеваемость, прогулы и стукачество сионисты, подлые русские люди, завербованные сионистскими спецслужбами. Везде – спецпончики, спецпекари, спецбольницы, спецслужбы, везде, кроме него, одни они - сионисты!.. Они.

Вот имеет он спецмагнитофончик, носит его аккуратно за воротом рубахи, раз – и записал русского сиониста, раз – и намотал его, негодяя, засветил, где надо, куда ленту потребуют... Но и тут – не повезло: за стукачество, склоки, хамство и запугивания, прогулы и спекуляцию иностранными лекарствами настоящий лирический поэт, русский борец с русскими сионистами, отчислен и с Высших литературных курсов, куда его, сжалась, приняли. Да, кругом – сионисты!..

Пленённый верностью к России, строчит, пишет, печатает он на светлых русских людей жалобы, кляузы, доносы, благо – подмётных газет сегодня куры не клюют... И у него – газета: “Будущее Скифии”, и на её страницах он, делая по две и три ошибки в предложении, одёргивает Бондарева, Проскурина, Жукова, Ларионова, учит их и порицает, а поэтов Кочеткова, Сорокина, Куняева, Кузнецова, тоже, как и названных мною прозаиков, уличает в сионизме. Евреи - евреи, заново их в чрево не посадить?.. А фамилии-то: Кузнецов? Сорокин? Куняев? Кочетков? Не русские фамилии, а сионистские, псевдонимы. Недавно евреи в Москве-реке выловили русского патриота, а тот, не разобравшись, им перед смертным вздохом шепнул: “У Сорокина мать – сводная сестра Голды Меир, а у Куняева отец – раввин в Тель-Авиве. Кузнецов же и Кочетков – бесы картавые!..” Братья Сафоновы – крупные сионисты. Кошмар?

Провокатор, до отупения разжиревший на запасных цековских харчах, сталкивает между собою не только русских и евреев, не только евреев и евреев, русских и русских, нет, Влад Хохлов, огромный и одутловатый омоновец, трагически разлагающийся, как обожравшийся ихтиозавр, залёгший в Гоби, – ещё и дворянин, поэт, мордастее Е. Б.Н., мыслитель.

Если бы он меньше ел пончиков или мама его в отделе ЦК КПСС не выполняла бы за поварскими обязанностями и других обязанностей, разве бы он так растолстел, разве бы он родился таким талантливый? Не знаю, как его понимают евреи, а я, исконно русский человек, говорю:

Этот лирик с мордой борова

Настучал на русских здорово,

И ему, – держись, империя, –

Аплодирует сам Берия!..

Вчера орет на митинге демократов: “Коммуняки!.. Коммуняки!..” Спрашиваю: “Чего орешь?..” Отвечает: “У меня астма!..” Внушаю ему: “Астма – не отсутствие разума!..” И он, удивляюсь, согласно мне кивает, кивает оловянною головою. Имею ли я право обижаться на него?..

Он, московский недоумок, и Есенина обслюнявил, и Есенина не пощадил. А кого ему, провокатору и графоману, щадить? Себя он щадит, себя, завистливого и пугливого, безграмотного и убеждённого, юлливового и хамовитого, себя, ни разу не испытавшего трепета и сияния душевного: зависть – не тоска по счастью, а злоба – не очарование чужим полётом... Талант не скучает по журналистской нахрапистости.

И зачем Владимир Бондаренко, в сущности добрый и разумный, даже излишне щедрый критик, соглашается с ответом на свой вопрос артисту Валерии Золотухину, зачем? Славы мало Владимиру Бондаренко? Мало ему газет?.. Мало Владимиру Бондаренко горя русского? Мало нищеты и унижения в народе русском? Зачем? Мало топтали, гыгыкали, выли, лаяли, плясали, свистели на могиле великого русского Есенина, а?!..

Газета “Завтра” 15. 02. 2000 года.

“В.Б. То есть, говоря о демонизме, о Высоцком и его демонах, надо признать, что демоны сидели в нём самом?”

“В.З. Ну а что в Есенине сидело? То же самое. Это какое-то раздвоение психофизическое, это какое-то аномальное явление. Да ещё разрушение алкогольное и плюс наркотики”.

Не знаю, может быть, Валерий Золотухин – крупный специалист по судьбе и творчеству Сергея Есенина, утончённый исследователь алкоголя и наркомании, эдак распахнуто сообщающий нам о “болезнях” Есенина? Друг Есенина, Рюрик Ивнев, утверждал: “Сергей Есенин почти не пил. Подмигнёт – и выплеснет рюмку!..” А Золотухин уравнивает страдавшего наркоманией Высоцкого, невероятно слабого поэта, с гениальным Есениным, Христом русским, каково? Киллер?

О “пьянстве” Есенина высказались до отупения, до маразма, все, кому не лень, но никто из них, никто-никто, за десятилетия и десятилетия, не уронил в нас ни одной золотой крупинки от слова и сердца Есенина, никто. Бездари – завистливы и немощны. Бог карает их. Один и тот же есенинский скандал “перепет” и растиражирован сотнями “поклонников” поэта, сосущих его бессмертную кровь.

Золотухин неколебим: “Я повторяю: минуя всякую грязь, есть своя заложенная судьба у Пушкина, Есенина, Высоцкого...” Ничего себе – параллели? Как прошамкал бы М.С. Горбачёв: “Паритет!..” Ничего себе.

И – молчат ретивые есенинцы?! И – примирились: во след Пушкину и Есенину, отряхиваясь от бытовщины и богемной мути, шагает не менее чем Пушкин и Есенин, шагает им равный, плохо владевший “техникой стихосложения” и отравленный анашою поэт, Высоцкий шагает!.. Ну и артист. Ну и философ. Ну и ценитель поэзии русской. Срам.

“В.Б. Только вместо Айседоры Дункан у Высоцкого Марина Влади, тоже такой достаточно привычный для России выверт”. Да, Володя, выверт: измученная кривоклювыми чёрными воронами Россия – всё стерпит, даже русские фамилии-псевдонимы, скрывающие хищных птиц, залетевших к нам, русским, грабить нас, увечить совесть нашу и стать, позорить наши синеокие дали русские картавым и обжорным хрипом...

Кем же надо себя мнить, тесня Александра Блока с классической ступени и заменяя его на преснятину делателя строф? Кем же надо себя мнить, втаскивая к бронзовому Александру Сергеевичу Пушкину тело, прокисшее марихуаной? Русский человек даже заблатнённые “шлягеры” умеет отделять от обыкновенно-нормальных. Не обмануть.

Евгением Гангнусом, пожуривая, затыкали рот нескольким поколениям русских поэтов: не слезал с экрана, не сходил с газет, не утихал на радио СССР и США, а где он?.. При перевороте, при измене лидеров ЦК КПСС и разрушении Советского Союза Жорик за Ельциным на танк вполз, а Есенина не заменил. Господи, и Вознесенский – не Михаил Юрьевич Лермонтов... А Белла Ахмадулина? А Новодворская?

Ни одному русскому поэту в России, да и в СССР не разрешили чёрные патлатые вороны свободно дышать, думать и петь, ни одному, из нас, поэтов русских, подминая гангнусами и кирсановыми, левитанскими и долматовскими, прихватывая наши тиражи и наши чаяния...

Ужель она?

Ужели не узнала?

Ну и пускай,

Пускай себе пройдёт...

И без меня ей

Горечи немало –

Недаром лёг

Страдальчески так рот.

Яков Свердлов, Штойкман, расстрелял донское и уральское казачество, построившее нам Великую Российскую Империю, а Троцкий потопил в крови белую и красную армии. Все мерзлоты, все пустыни Земли зашвырены русскими воинами, женихами, мужьями, дедами и прадедами нашими. Мы, русские, разделённый, разогнанный, оболганный и обнищенный народ в мире. Мы никогда не забудем – кто нас уничтожал!..

Всё слова, слова,

Всё речи, речи!..

От родимых пашен вдалеке,

Я давно не выходил навстречу

И лицо не подставлял пурге.

Это – Василий Фёдоров, русский выдающийся поэт, а ему ведь при жизни не дали, в его России отчей, не дали ни имени, ни простора, а сколько изумительных русских поэтов врыто пулями в глину и в камень, сколько ныне замолчено, заморским хамством убито поэтов русских у себя дома, в России? У кого в руках пресса и телевидение? У кого в руках наши фабрики и заводы? Мы – пленённый народ. Нас превратили в гоев, рабов, быдло, нас заставляют терять русскость, молитву нашу терять. А кто торжествует? Березовский и Абрамович, Кох и Чубайс, Россия – оккупирована ближневосточными монголами...

Хе, хе. Ты, русский человек, Володя, а травмишь душу русскую этими трояновскими реабилитациями кого угодно: всеядность – твоя защита, но от кого, от нас, людей русских, да?

Ты думаешь, меня это страшит?

Я знаю мою игру.

Мне здесь на всё наплевать.

Я теперь вконец отказался от многого,

И в особенности от государства,

Как от мысли праздной,

Оттого что постиг я,

Что всё это договор,

Договор зверей окраски разной.

Так Номах рассуждает у Есенина. Так рассуждает каждый русский, кто болеет о Родине, кто доведён до предела нашествием чужеземельцев на русское поле. Поле Куликово стонет – слышите? Слышите?!..

О чём учёные-есениноведы говорят? Они ведь боятся говорить от главном: о засилии чужеверцами Родины русской. Они говорят о лирике Есенина, говорят о красоте слога есенинского, но боятся рассказать о стоне поэта по родному слову, исковерканному инберами и маршаками, боятся сказать о школе, запрограммированной на Гангнуса и Галича.

Боятся изменить неправильное?

Я спросил сегодня у менялы,

Что даёт за полтумана по рублю,

Как сказать мне для прекрасной Лалы

По-персидски нежное "люблю"?

Не "полтумана" – полтумена, речь-то о Персии, об Азии, ну?.. А чего стоит изыск есенинцев, пылящих расшифровываниями и разоблачениями?

От луны свет большой

Прямо на нашу крышу.

Где-то песнь соловья

Вдалеке я слышу.

А правильно – не “Прямо”, правильно – Прям, усечённое слово, Есенин, юный, не мог и не сумел бы “вольничать” в размере и ритме строки: нужен был и ему опыт. Я люблю есенинцев, прощаю их ругань между собою, прощаю некоторым и брань в мой адрес, но очевидные огрехи не ими “утверждены”, а бесовствующей кабалой над русским народом и над нами, поэтами русскими, над нами, над нами!

Лидеры наши прекрасные,

Им временем вечность дана:

Россия у всех у них разная,

А синагога одна.

Юрий Прокушев жизнь свою посвятил Есенину. Хорошо ли, плохо ли, значительно, гениально ли, но, хоть бьют его немилосердно и неугомонно новосенинцы, несёт и несёт повествование о поэте в народ, в Россию, о Есенине и о его Рязанской стороне, о русской матери и о русской природе: траве и ливне, буране и грозе. Так или нет?

Столетие Есенина Правительство России решило указно отмечать вместе с

девятисотлетием города Рязани. Образ Есенина выпал бы из общего суматошного гвалта, и мы восстали. Прокушев написал Президенту Ельцину прошение по юбилею и обратился ко мне: “Подписывай!..” Но в тексте были слова: “дорогой”, “уважаемый” и т. д. Я ответил: “Я не смогу подписать. Я ненавижу палача!..” А Прокушев, перекрестясь, заметил: “За Есенина, Валя, подпишу, Бог меня простит, а ты не подписывай, ладно, ты не подписывай!..” И подписал.

Где вы, нападающие на Прокушева есенинцы, были тогда? Если бы не Прокушев – памятник Есенину не сверкал бы сейчас гранитом на Тверском бульваре, по-соседству с Пушкиным. Где вы? Где вы, чистоплюйные есенинцы, разве не видите – как замазывают наркоманской штукатуркой серебристую тропу к Сергею Есенину, к России нашей, святой и звёздной? Русский во всём обязан быть русским.

Сванидзе ты, Сванидзе,

Тебя, поймав за хвост,

В подъезде бомж откиздел, –

Вот весь и холокост!..

Евреи – страдальцы. И русские – страдальцы. Чечены – страдальцы. Но у евреев – свои звери. У русских – свои звери. У чеченов – свои звери. Великий грех – отбирать у русских авторитет русский, принижать страдание русское, а гнев русский не замечать – опасное занятие.

* * *

Сергей Есенин - садовод, восхищённый своими цветами и деревьями:

Ветер тоже спросонок

Вскочил

Да и шапку с кудрей

Уронил.

Утром ворон к берёзоньке

Стук...

И повесил ту шапку

На сук.

Русскоязычные поэты не постигают чувством и не достигают той синевы журавлиной, откуда и начинается русскость, вечное одиночество наше и звёздное скифство пространств: такова душа русского человека, он идёт по сибирской лесной тропе, а мысленно разговаривает с Тихим океаном... Мы – дети и сыны, воины и поэты звёздной необъятности, красоты, спасающей ливнями совесть от циничной засухи. Высоцкий и на мгновение не ощутил это:

- Пстой, чудака! Она ж наводчица!

Зачем? – Да так! Уж очень хочется.

Или:

– Ну и дела же с этой Нинкою,

Она жила со всей Ордынкою,

И с нею спать – ну кто захочет сам?

– А мне плевать, мне очень хочется.

И это – чувство? И это – гнев? И это – счастье? Это – допуск хряка до общественного корыта... Нет, гнев поэта – гнев Бога, гнев поэта – гнев природы, наказывающей и врачующей, карающей и прощающей: движение и вспышки души человека есть движение и вспышки самой природы, пространства звёздного. Есенин:

Так случилось, так со мною случилось,

И с того у многих я колен,

Чтобы вечно счастье улыбалось,

Не смиряясь с горечью измен.

О чём спорить и что сравнивать?! Здесь – мать ожила, Богородица в заплутавшем сыне проснулась и на ромашковый луг вывести его пытается... Булат Окуджава заключает: “Конечно, гитара только обостряет эмоции, актёрское мастерство всего лишь проявляет, усугубляет суть, но в целом – стихи, гитара, интонация – это жанр, в котором он совершенствовался изо дня в день”. Точно. Высоцкий – текст, посредственный, голос, посредственный и охрипленный, брэнчание струн, посредственное, а в сумме – бард, равный Окуджаве, посредственному поэту, барду.

Но не появись они – ещё скучнее атмосфера: один Кобзон, Иосиф, Шаляпин конца второго тысячелетия в России. Один Кобзон, а кого ещё мог родить русский народ? На сцене – Иосиф Кобзон, а на экране – Володя Познер! Два, нет, с Окуджавой три, три титана у России.

Бондаренко и Золотухин, сравнивая Высоцкого с Пушкиным и Есениным, оскорбили Булата – Булат Окуджава не меньше, а чуточек выше, да-да-да, выше, выше Высоцкого, но пожиже, пожиже Иосифа Кобзона, таки.

Владимир Высоцкий:

Протопи ты мне баньку по-чёрному...

И:

Протопи ты мне баньку по-белому...

Но... чёрно-белой бани-то у русских не бывает: баня – или чёрная, или белая, смешно? Так во всём, во всём – русскоязычные витязи от искусства, вернее – не витязи, а проныры в русском искусстве, путают чёрное с белым, горе с развратом, героизм с наглостью, любимую с панельной девкой, раздевая и царапая её. Жратва. Конкурс – у корыта.

А Есенин?

Да и ты пойдёшь своей дорогой

Распылять безрадостные дни,

Только нецелованных не трогай,

Только негоревших не мани.

Русская поэзия, русский человек весь – возвращение к истоку света...

Первый шумный скандал с иудеями, с торгашами-жидами, у Иисуса Христа вспыхнул в храме, где барыжники-бесы расположились вместе с козами, овечками, гусями, курицами, кугочками, расположились и не молиться принялись, а торговать. Серебряные монеты таки-таки звенели им, алчущим благ материальных, в загаженные какашками ладони.

Иисус Христос устыдил их, но бесы базарные, нынешние рыночники-реформаторы, навалились на Христа с претензиями, возмущениями, угрозами и неповиновениями. Засуетились. Затопотали и закартавили. Удивлённый Господь, Спаситель наш, настоятельно попросил, потом потребовал – освободить храм и убрать разленивившуюся в тепле скотину, но спекулирующие бесы дружно и громко закудахтали против. Защитники свободы печати.

И лишь тогда благородный Иисус Христос вытурил кур, гусей, коз, овец и прочую животную массу, опотнившую и ослюнявившую алтарь, на воздух, а за животными – бесов попёр из храма. Позднее Христос проклял торгашей курами и верою, проклял предателей во главе с изменником Иудою, племя проклял Христос, племя, обожающее лизать собачьим языком сребреники и доллары, проклял Христос как бы их марксистскую жадность: цветущий ландыш переводить в рубль, родниковую воду химичить и в шинке со спиртом её перемешивать, а улицы чужих сёл и городов пафосными призывами увешивать и на расстрел безвинных уводить... Приструнил.

Почитай стихи любого жидовского поэта, сочиняющего на русском: лучшие строки о любви к женщине или к матери – насчёт покушать жареное, варёное, солёное, особенно – фаршированное, шуку там или прихлебнуть соус чесночный, настоящий лиризм сквозит по поводу жратвы. Да, восточные люди, но бесы и в русском народе имеются, в каждом народе жида скучают постоянно о добротной пище и прославляют её.

Даже у Пабло Неруды:

Ночь, и среди островов океан

рыбами всеми своими трепещет,

трогает ноги и бёдра, и рёбра

родины нашей...

Зря ли Карл Маркс в огромных количествах употреблял рыбу?.. Остервенело отряхнуть цветущую черёмуху, обглодать, присасывая, карася, разорить государства, Илью Муромца объявить туберкулёзником, а его народ – дебильным быдлом, упростить таинство красоты, раскурочить на сцене или на экране постель молодожёнов, помахать одуревшим зрителям мокрую простынею, как революционным флагом, и, закрывшись в подобной себе кодле, ржать над горем чужим, над совестью чужою. Макаки весёлые. Высоцкий – отряхивает, скрипя зубами, алые гроздья рябины:

Но покорёжил он края,

И шире стала колея.

Вдруг его обрывается след –

Чудака оттащили в кювет,

Чтоб не мог он нам, задним, мешать

По чужой колее проезжать.

Вот и ко мне пришла беда –

Стартёр заел.

Теперь уж это не езда,

А ёрзанье.

И надо б выйти, подтолкнуть,

Да прыти нет –

Авось подъедет кто-нибудь –

И вытянет...

Напрасно жду подмоги я, –

Чужая это колея.

Вся жидовская поэзия, состряпанная бесами на русском языке, – чужая колея, не наша, не русская. Рыбий скелет, мимо коего, завидуя предшественникам, кучно следуют через века интернационалисты, слыша запах чешуи, а не трепет соловьиных листьев. Циничное занятие – сравнивать Есенина с костоедами:

Земля моя золотая!

Осенний светлый храм!

Гусей крикливых стая

Несётся к облакам.

То душ преображённых

Несчислимая рать,

С озёр поднявшись сонных,

Летит в небесный сад.

А впереди их лебедь.

В глазах, как роща, грусть.

Не ты ль так плачешь в небе,

Отчалившая Русь?

Лети, лети, не бейся,

Всему есть час и брег.

Ветра стекают в песню,

А песня канет в век.

Замкнутость глубинной жизни какая!.. Библия – Библия: рождение, путь судьбы, смерть... А техника стиха? Мы даже не заметили – нет рифмы в словах “рать” и “сад”, нет, а не замечаешь. И стихотворение-то помечено 1918 годом. Есенин в 30 лет погиб – 8 томов оставил, когда пить?!

Ведь и себя я не сберёг

Для тихой жизни, для улыбок.

Так мало пройдено дорог,

Так много сделано ошибок.

О, как душа его плачет? А ведь он – гений! Чего же ему и что ещё ему надо? Ел же Карл Маркс рыбу, кряхтя над “Капиталом”, а?

Пусть я буду любить другую,

Но и с нею, с любимой, с другой,

Расскажу про тебя, дорогую,

Что когда-то я звал дорогой.

Сердце поэта ищет красоты, а разум поэта ищет истины и смысла.

Знамена, сказания и пророчества утверждают: “Бесы явятся!..” “Чёрт в святое обличье нарядится!..” “Антихрист блудить начнёт по землям!..” “Смерть хохотать примется над православными лживая!..” “Бесы черепами человеческими играть и постукивать по столу приохотятся!..”

А разве Ельцин не бес? Откапывал, закапывал, собирал, разбирал, красил, соскребал, возил, увозил, заказывал, показывал, рассказывал о “царских останках”, отпевал в Санкт-Петербурге, на вынужденное гореть восковое свечечное пламя толстую грязную слезу ронял, палач уродоподобный и вчерашний марксист политбюровский. Кости всем, виновным и безвинным, да, кости мертвецам переворошил и перетряс. Барабанщик.

А в газете “Аргументы и факты”, кажется, на целой полосе, Сара покачивает череп русского Царя, череп Ивана Грозного покачивает на вытянутой ладошечке и не робеет перед Богом? В чужой империи, чужой череп чужого Царя на чужой ладошечке чужой Сары?!.. Бесы, сгрудившись в русском Кремле, оскотели и, разрушив Россию, проторговали её и народ русский. Как везде – клопино скопившись у трона, они упоённо

кровавили и разрушали то государство, те народы, которые позволили им руководить, устремляться вперед и вперед, к светлому будущему.

Бесы даже своего Ленина, самого человеческого человека, не пощадили: Евгений Киселёв вытаскивает Ильича из саркофага, заставляет бормотать вождя пролетариата несуразицы, опять кладёт его в гроб и снова тащит на демонстрации, обнажая на экране плешивый череп, издеваясь над лысиною корифея, стуча по мавзолейному черепу фотокамерой, и заикаично сплёвывая на мраморные ступени Мавзолея. Босс.

Потом – бесы останкинские выкатывают на экран череп Адольфа Гитлера: щёлкают клювами возле него, шипят и когтятся, топыря перья, воняющие начесоченной рыбою, танцуют “семь-сорок”, прихрамывая и, умиротворённые, вещают нам о холокосте, трясая сванидзевскую нечищенную бородою. Или демонстрируют нам физиономию журналиста Минкина.

Тот Минкин въехал вместе с Ильичём

В вагоне с пломбой...

Рясть кумачем.

А этот Минкин перышком в нас тычет

И про того “на идише” талдычит!..

Я говорю “евреи” – не имею в виду еврейский народ. Я говорю “русские” – не имею в виду русский народ. Антисемиты – еврейские и русские хриstopродавцы. Они прячутся за Иисуса Христа. Но Иисус Христос – чужак в Вифлееме. Родина Христа – Галилея, “земля чужаков”... Иудеи относили Христа к галилеянам. Говор Христа для иудеев был побочным. Да и люди, часто сопровождавшие Христа, были не из Вифлеема, а из Декаполиса. И град Скифополь, город скифов, рядом – восемнадцать километров от Вифлеема. Не славянин ли Иисус Христос?.. И Палестина, земля обетованная, состоит из славянского понятия “пали” и арийского “стан”, значит: горячий край, огненный лагерь!.. Палистан. Палестина. Палестинец.

Христос принадлежит каждому, кто в него верит. Жид – каждый, кто проторговал Храм, Родину, Христа. Оскотение – удел жида. А Палестина – действительно огненный лагерь: я много дней и ночей провёл среди палестинцев, сражающихся за честь и свободу свою. Палестинцы, даже дети, подрывают себя гранатой, но на милость врага не сдаются. Сам видел.

Наглые и беспощадные телебесы, оккупанты, ежевечерне, а то и сто раз на дню, угнетают нас, поворачивая на экране, и так и сяк, юные черепа погибших псковичей, красивых молодых милиционеров России, показывают, оккупанты, черепа русских ребят, патриотов русских, наслаждаются, оккупанты, нашим горем русским, болью русской нашей. Кости и кости. Черепа и черепа. Вся Россия – кости и черепа, кости и черепа. Но это – последний “ликующий танец” мерзавцев. Русский народ понял их и не сулит им покоя. А палестинцы – арабизированная ветвь славян. Якобы...

Разве важно, разве важно, разве важно,

Что мёртвые не встают из могил?

Но зато кой-где почву безвлажную

Этот слух словно плугом взрыл.

Да, взрыли, взрыли русскую душу телевизионные оккупанты. Довольно.

Нам не дают знать и любить стихи и поэмы Павла Васильева, не дают знать и любить рассказы, повести и романы Ивана Акулова. Да в каждом краю России, в каждой области её – втоптан в забвение поэт или художник, герой или пророк, в каждом уголке, удалённом от Москвы расстоянием и глушью, втоптанно великое и чудесное, верное и гениальное русское имя, а кто втоптал? Оккупанты. Шизофреничные азартники игр в человеческие кости и черепа. Они и они. Расчётливые и лишённые чувствовать русскость крылатую. Они и они, обескураженные воскресающим звоном колоколов на русских золотокупольных соборах. Они и они, оставляющие на посмешище объединённые скелеты рыб, храмов, городов и стран...

На каждом пяточке русской земли русский поэт – воин русский!

У нас отобрали заводы и фабрики, школы и вузы!

Нас, живых, заворачивают в мёртвое покрывало американского доллара!

Наше Беломорье и наш Байкал на карту себе наносят иноверцы!

Наших невест и жён распинают денежные воротилы!

Русские деревни вытравлены бесправием и нищетою!

Русские города под страхом и пятою иноязычных грабителей и убийц!

Русские олигархи и русские министры скованы масонством и Сионом!

В России нет русского Царя и вождя русского нет!

Русские поэты, воины русские, не завидуйте прозелитам, они, окаймлённые русско-еврейскими наростами, среди нас – противны, смешны, трусливы и самонадеянны. Но не они о нас, а мы о них запинаемся, потому благополучные животы их обшарпаны носками нашей обуви. Я даже не завидую Кожинову и Бондаренко, Анненскому и Шафаревичу, Солженицыну и Распутину, Белову и Куняеву, я даже Татьяне Глушковой не завидую и себе, а завидую Инне Лиснянской, Липкину и СерёжеЕсину: чукча – шибко умный!..

И завидую я синеоким просторам рязанским, Есенину, завидую:

Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!

Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?

Проведите, проведите меня к нему,

Я хочу видеть этого человека!

Высоцкий - о любви:

Какие песни пел я ей про север дальний!

Я думал: вот чуть-чуть – и будем мы на “ты”.

Но я напрасно пел о полосе нейтральной,

Ей глубоко плевать, какие там цветы.

Есенин – о любви:

Не гляди на её запястья

И с плечей её льющийся шёлк.

Я искал в этой женщине счастья,

А нечаянно гибель нашёл.

Высоцкий – о любви:

Я спросил тебя: – Зачем идёте в гору вы? –

А ты к вершине шла, а ты рвалась в бой.

– Ведь Эльбрус и с самолёта видно здорово! –

Рассмеялась ты и взяла с собой.

Оставим без внимания “с са”, “и бу”, ай – хохмисто и заблатнённо, а ведь это не злоба поэта, не насмешка: старательная работа, но где же поэзия, вдохновение где? Высоцкий – весь такой. И Бог с ним. Но зачем прагматичную зарифмованную прозу его сравнивать с крыльями Есенина?

Есенин - о любви:

Заметался пожар голубой,

Позабылись родимые дали.

В первый раз я запел про любовь,

В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь – как запущенный сад,

Был на женщин и зелие падкий.

Разонравилось пить и плясать

И терять свою жизнь без оглядки.

Господи! Какое беззащитное откровение! Какая печальная красота! Есенин – хозяин русского мира: он в нём – как ребёнок в зыбке, как сокол в небе, как Христос в пустыне, мудрый, мученический и упрямый.

Завершая эту статью, я дал тебе, Володя, её урезанный вариант, а ты урезал её далее, но там, где я пошевелил весьма подозрительный ореол Бабицкого и Матвиенко, ореол педерастов и лесбиянок, ореол еврейско-русских иуд и критиков-лжепокровителей... Зачем ты сократил – экономил место в газете? Нашел, на чём экономить. Но – спасибо, опубликовал...

А бесфамильная твоя реплика – мила. Упрекаешь – я об Акулове не предложил тебе слова своего. Об Акулове я напечатал страниц, думаю, сто, даже многие писатели меня благодарили. Тебе подарил очерк, но ты, казачий атаман, сортируешь русских... Да Проскурина и Сорокина коптишь. А кто восславил Травкина, Жириновского, Рыбкина, Лебеда, Руцкого, Аушева, Шенина, Шаймиева, Тулеева, Кучму, даже Лужкова – в интервью, кто? И ты их коптишь, Макашова – тьфу!.. Молчание – золото, Володя!.. Клад.

Сионистская пресса заварила кровавую кашу между исламом и православием, а ты, герой, в сторонке? Много, Володя, у нас храбрецов, достойных “Звезды Давида”, здравствует, много. Не будем им подражать с тобою и не будем сталкивать Белова и Сорокина на лжи. Не будем поучать Проскурина – за кем ему шагать: за тобою или за Зюгановым. Не будем, Володя, и пришивать “белыми нитками” группировку Юрию Васильевичу Бондареву: он – Он, а грызунов-то – уйма. И публиковать меня в “Дне” не будем. Не бард же.

Цековского обжору мы с тобою, знаменитый критик Владимир Бондаренко, голодать не научим и уважать нас тоже не натренируем его, интеррусофоба, оболтуса и гурмана. А талант гения – превозмогание собственной тоски, боли и одиночества. Грызуны же – вечно передвигающаяся и вечно семяющая стая по следу великана... Посмотри, сколько за Сергеем Есениным и сегодня грызунов устремляется? И в могиле ему не дают передохнуть.

Какой народ на земле хриstopродавцы вывели из кризиса? Какую страну хриstopродавцы обустроили и утвердили? Сколько изнасиловано русских невест и

сколько убито женихов русских? Сколько Чечней зажгут ещё мерзавцы на просторах России? А русский народ – шовинист. А русский народ – фашист. А русский народ барда Высоцкого не учуял: так о нас каркают с телеэкранов хищные и картавые вороны, разорившие наши кладбища и храмы.

* * *

Да, Володя, о смерти Есенина моя позиция двузначная: могли убить поэта, мог и сам он повеситься, затравленный и прижатый к холодной стене погибели еврейскими и русскими христопродавцами. Я уже говорил: нет русскому поэту в России покоя от чужеземцев и от русских негодяев, предавших могилы и храмы отцов и дедов... Русский поэт – изгой.

Но я никогда, и под пистолетом бы, не согласился заявить: “Есенин убит!”. Или: “Есенин повесился!..” Или: “В Пушкина стрелявший Дантес был одет в калужский бронежилет, кольчугу!..” Или: “В Лермонтова со стороны леса выстрелили, а не Мартынов!..” Я не возьму твёрдо на совесть того, что меня потом начнёт мучить и угнетать: не возьму того, чего я не постиг с достоверностью и неколебимой доказательностью, нет, не возьму. И могилу Есенина – застрели – не раскопаю!.. Бард есть.

А жил Есенин, русский гениальный поэт, бедно в Москве и тесно, одна комната на его и Галину или две – на его, Галину и сестрёнку: дорого платить, гонорары скромные. Вот и теснился, комкался над столиками и диванчиками, шурша рукописями. Зато – Мейерхольд с Зинаидой Райх в особняке легендарного адвоката Плевако расположились: марксистские страдальцы ценили чужое ложе и чужую столовую. Интернациональная чуткость поощряла в них захват чужой обители и чужой страны. Но Гайдар и Гусинский не уступают тем революционерам, завезённым к нам в немецких запломбированных вагонах. Реформаторы традиционны... Хотя Егор Гайдар завтракает куриными яйцами, не как Маркс – рыбой и рыбой.

Маркс бедным был: он кильку ел и ел,

До палтуса дорвался – офуел,

Стал Энгельсу болтать о “Капитале”,

Когда бы знать, вобче бы жрать не дали!..

Не шовинисту же русскому селиться в особняке легендарного адвоката империи? Понятно: раскулаченный или реквизируемый дом царского господина по клановому праву принадлежит заезжему приватизатору: ну, Чубайсу, ну, Татьяне Ельциной, ну, допустим, Мадлен Олбрайт, если она пожелает забрать у нас Дворец культуры или обувную фабрику...

Пора прекратить дразги вокруг великого Есенина, прекратить сравнивать с гением популярных бардов, не имеющих к поэзии никакого отношения. Бард – бард. Поэт – поэт. Мне вот на днях почудилось: сын кремлёвской поварихи, толстопузый обжора, на Красной площади стоит и в телеэкран разбухшую и обрюзгшую рожу кажет, а вгляделся – Борис Николаевич ветеранов Отечественной приветствует, вчерашний кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, разрушитель СССР и России, бросивший в голод и холод миллионы русских патриотов за рубежами, но воздвигший памятники в Москве Булату Окуджаве и Владимиру Высоцкому – через дочь свою, Таньку Ельцину, элитную старуху, замаскированную помадами и пудрами... Дичь.

Когда я об стену разбил лицо и члены

И всё, что только было можно, произнёс,

И вдруг сзади тихое шептанье раздалось:

– Я умоляю вас, пока не трожьте вены!

Это – Высоцкий не о Ельцине ли?.. Есенин умер за Россию, погиб за её соловьиную душу, и сам он – соловей, светом заревым осиянный!

Вижу сад в голубых крапах,

Тихо август прилёт ко плетню.

Держат липы в зелёных лапах

Птичий гомон и щебетню.

Или:

Зашумели над затоном тростники.

Плачет девушка-царевна у реки.

Погадала красна девица в семик.

Расплела волна венки из повелик.

Ах, не выйти в жёны девушке весной,

Запугал её приметам лесной.

На берёзе пообъедена кора, –

Выживают мыши девушку с двора.

Мыши, таясь за поганым палачом-истуканом, выжили русскую красоту из Чечни, продолжают выживать её из России. Но с нами – Бог!..

Торчат на экране – Сванидзе и Матвиенко:

- Что Вы думаете о холокосте, о геноциде народа еврейского?..

- Не только в гитлеровских концлагерях евреев уничтожали, не только. А и в шестидесятых и восьмидесятых годах в СССР была государственная политика антисемитская. Насаждался антисемитизм в государстве.

- А сейчас?..

- И сейчас антисемитские настроения имеются в некоторых слоях, слоях, слоях... И – заикалась... Заприкашляла... Врать вице-премьеру, ой, как нехорошо?! Кто же в СССР насаждал антисемитизм?

У Сталина – дочь за евреем. У Маленкова – дочь за евреем. А Каганович? А – Берия? А Микоян? Семиты или же славяне? Скифы... А у Никиты Хрущёва два зятя – два еврея. А у Брежнева – супруга, мало? Зачем вице-премьерше, Лидерше ленинского комсомола, врать, зачем? Или – отреклась от марксизма-ленинизма, как многие заправицы ЦК ВЛКСМ, во имя паперти?.. Человек наделён правом совершенствоваться и менять к

лучшему себя, но не так постельно, не так жертвенно... А может она – существо из инея и солнышка, прикоснись – растает?

Да, и у феи туго

С ленинской правдой века,

А ведь она – подруга

Снежного человека!..

А сейчас? И сейчас – народ русский в цепях Мирового Правительства, Сионистского Кагала, перенёвшего ненависть ислама к сионизму, осуждённому решением ООН и приравненному к фашизму и расизму, на русский народ, на Россию, и Чечня – результат заспинных и закулисных кровавых интриг Мирового Клана, даже на Украине – два информационных центра у Чечни, безумолчно сражающихся против русского народа. Эх, славяне!

А кто изгнал русских из Чечни? А кто торгует рабами русскими? А кто отрезает уши, выкалывает глаза, вырывает сердце у живых, кто? Ну? Русские? Кто, я спрашиваю Валентину Матвиенко, красавицу Кремля, кто? Кто во Львове орёт: “Убивайте москалей!”, кто? Россию уникально, хитро и беспощадно подставили. Евреи – первые интернационалисты, а Израиль сколотили, построили – на крови палестинцев и арабов. Но право евреев на родное государство – неоспоримое право. И евреи, народ еврейский, не виноваты за палачество своих и планетарных вождей. Как немцы не виноваты за казнителей. Но евреям немцы платят за муки и терзания, а русским,

победившим Гитлера, – обелиски над братскими могилами: от Волги и до Берлина!.. А почему народы и страны, пропустившие фашистские орды до России, до Волги, не виноваты перед русским народом, почему?..

Палестинцы содержали православные храмы на арабских землях, возведенные русскими беженцами, спасшимися в пустынях от расправы над ними, от ритуальной резни Троцкого и Свердлова, Ягоды и Ярославского, Когана и Дзержинского, но Мировой Каганат перерезал золотые нити дружбы палестинцев и русских, ислама и православия, а мы, русские, согнулись под мечами Абрамовичей и Гусинских, Чубайсов и прочих делателей бесовского гайдаровского рая... Мы предали палестинцев. Мы допустили возможность конфликта с исламом и мы пожинаем ненависть к себе внутри России и СНГ, но это – начало: главные потери – впереди!..

Ты, Володя, не ерепешься, что ты не печатаешь Сорокина в своём интересном “Дне”, плоше я выглядел бы – если бы ты охотно меня печатал и всовывал моё имя между десятков имён, как тот благодетель...

Он ходит, добрый, между нами –

Всех

в список

вставить хочется,

И потому он именами

В своей газете мочится...

Только через Тунис более трёхсоттысячного населения русского бежало от еврейских палачей и русских, от русско-еврейских негодяев, хриstopродавцев, только через Тунис, а через Германию и Францию, Англию и Америку? А в Казахстане? А в Киргизии? А в Грузии? А в Прибалтике? А в Молдавии? Двадцатый век – убийца русского народа, Володя!..

Не за счёт палестинцев, не за счёт евреев и не за счёт русских надо обихаживать мир, а за счёт доброты и надежды, и не надо влазить, вкрапливаться, втекать, не надо захватывать чужие рули и чужие струны в чужом государстве среди чужого народа: скромнее надо быть всем и порядочнее. Не один Высоцкий – наш Бог. И на Кобзона – молимся...

Дайте собакам мяса –

Пусть они подерутся!

Дайте похмельным кваса –

Авось они перебьются.

Это – Высоцкий... А Есенин:

Пой, ямщик, воперкор этой ночи, –

Хочешь, сам я тебе подпою

Про лукавые девичьи очи,

Про весёлую юность мою.

Чужестранец, не понявший и не принявший уклада и нрава народа, до собственной смерти будет индюком надуваться над этим народом, над радостями его и над трагедиями его, но мы – марксисты, мы означили Тунисы и Франции, Австралии и Китай, Америки и Канады старинными кладбищами русскими, гробами русскими, выброшенными на окраины стран Великой Октябрьской Социалистической Революцией. Мы и её вроде бы приспособили к русской жизни, но перестроечная Революция Горбачёва и Ельцина вновь расширила и обновила на земле русские кладбища.

Спасение русских – Госдума, подарившая туркам солнечный Крым? Спасение – Совет Федерации, Кагал внутрироссийских банд? А спасение предателей – бойня народа России с народом России? И всё же не надо впадать в уныние и протрацию: жида вряда ли отремонтируют гулаги...

Мы опрокинем гнёт веков,

Когда герои близко:

Бабицкий – у боевиков,

А у Госдумы – Слиска.

Так, Володя, думают рядовые поэты России, неэлитные олухи.

Спутниковый и звездолётный академик, хирург, жалуется: “Печень и почки, желудок и сердце, пересаженные, вяло приживаются, взятые у животных для человека, но свиные органы к человеческим примыкают прогрессивнее, чем собачьи и людские. Надо клонировать свиней, лепя из физиономий ихних, при старании, физиономии наши”. Прелесть какая?

А, допустим, гены свиньи не в человеческое русло, а в свиное начнут прогрессировать, и вылеченный операциями супруг, допустим, под одеялом примется громко и независимо всхрюкивать в маненькое миниатюрное ушко обожаемой им жены или любовницы?.. Заботясь о больном, академик не должен нарушать права граждан на безмятежный сон. Хотя наша Россия – страна революционных страстей и загадочных рептилий:

Премьер японский, симпатичный Рю,

Гостил в Москве, а в Токио он кается:

Поди, столкнулся близко с нашим Хрю

И до сих пор, бедняга, заикается...

Красота русского народа неприкосновенна – красота его слова, красота его песни, красота его танца, красота его ума, красота его сердца и красота его стати. Не клонированное чувство и не клонированный взгляд на судьбу русского народа оберегают и утверждают русский народ, а опыт и память предков. Я не хочу войны евреев с палестинцами, а русских с чеченцами. С каждым убитым русским – я убитый...

Ночью, однажды, воюющие палестинские командиры завезли меня на территорию Израиля. Январь. Свет звёздный. И туман внизу. Река молочная. Тихо. Шаги Христа слышны. И я, про себя, молил Бога ниспослать этому краю мира и красоты. Я – русский: не трогайте мою Родину, отстаньте от нас, людей русских, не хмыкайте над нами и не отбирайте жизнь нашу, иначе – бурю и смерть пожнёте!..

Сердце бьётся всё чаще и чаще,

И уж я говорю невпопад:

“Я такой же, как вы, пропащий,

Мне теперь не уйти назад”.

Даже Гавриил Попов, один из самых ярых потрошителей СССР, Москвы и России, вчера, 5 апреля 2000 года, завопил: “Берегите русских!..” Да, без русских, полоунничтоженных “ревтрибуналами” и “ревтройками”, доносами и расстрелами, раскулачиваниями и коллективизациями, борьбою с “шовинизмами русскими”, погубленных войнами, без русских – не быть России живою! Так-то. Даже Гавриил Попов догадался: катастрофа, величайшая, гибель России, неотвратима, когда русский народ кинут на прозябание и подлюю насмешку уродам. Завопил в “Независимой газете”.

Владимир Бондаренко не наивный мальчик, а солидный человек, почти литолигарх: пошатывает на пьедестале Александра Блока, специально к бессмертному Есенину притыкивает рядом, русскоязычного Высоцкого:

Нет острых ощущений. Всё – старьё, гнильё и хлам.

Того гляди, с тоски сыграю в ящик.

Или:

Сосед другую литру съел –

И осовел, и опсовел.

Или:

Ах! Время – как мохорочка.

Всё тянешь, тянешь, Жорочка.

Или:

Две бывших балериночки

В гостях у пацанов.

Поц – член, если перевести с еврейского на русский... Владимир Бондаренко мне, рядовому русскому поэту, к моему юбилею широко распахнул двери в газету “Завтра”, целую полосу дал, а вот блестящему Вас. Фёдорову и для строчки в “Дне” не нашлось места... Да и – Павлу Васильеву, Алексею Недогонову, Петру Комарову, Павлу Шубину, Дмитрию Кедрину, Борису Ручьёву, десять лет отрубившему на Дальнем Севере за “пропаганду упаднических стихов Есенина”... Не нашлось... Зато “околорусским” стихам “околорусских” поэтов – простор:

“Мы – как изгои среди людей”. Смотрите – как... згой...

“И балуются бомбою.” Смотрите – ибал... уются...

Нельзя Высоцкого сравнивать, еврейско-русского барда, с мучеником, Христом Русским – Сергеем Есениным: Бог покарает, нельзя! Смертный грех нельзя брать на себя и на русский народ, нельзя. Нельзя же, говорю ещё раз и ещё раз говорю!.. Сергей Есенин:

Клён ты мой опавший, клён заледенелый,

Что стоишь, нагнувшись под метелью белой?

Стихия – русская поэзия, злая или приветливая, но – стихия, но – вьюга белопенная, но – душа летящая, а тут –бард: рациональное, циничное, прозаичное, обескрыленное – как бухгалтерия, как – доллар, как рубль... Да и вместе с Борисом Ручьевым ли Высоцкий кайлил Колыму? Кто и когда утеснял Высоцкого? Почему “День” молчит о строчках Василия Фёдорова, равных есенинским:

Руки Глаши

Если обовьются,

Их уже ничем не разорвать.

Губы Глаши

Если улыбнутся,

До сухотки будешь тосковать.

Русское-то ведь понимать надо: его, “русское-то”, не зазастить ни двумя, ни тремя бардами, ни одним, ни двумя “русскими” поэтами, оно, “русское-то” поэту – награда за любовь к России, оно, “русское-то” не доверяет себя “широте” и “раскрутке” в газете ли, на экране, на конкурсах или на сцене... Нельзя лгать русскому народу, нельзя от имени русского народа нерусские замыслы исполнять... Народ – храм: нельзя озоровать перед иконами, нельзя! У Высоцкого в каждой строфе – ляп.

Ты, дорогой Володя Бондаренко, не хитри: русским быть – горькая и одинокая дорога. Теперь... Ты ни разу, да, да, ни разу не вспомнил на страницах “Дня” о Петре Проскурине, Иване Шевцове, Владилене Машковцеве, Николае Воронове, Иване

Акулове, а творчество Ивана Акулова многих твоих “классиков” стоит, не сомневайся. Очень русских – ты оттолкнул и замуровать их святые лики как бы стремишься полурусскими “героями дня”, но “День” не выигрывает данную задачу. Среди русских есть и умные, умеющие отличить Есенина от Высоцкого, а Марину Влади от Натали Пушкиной и даже – от Дункан. Гангнус же не затмил Иисуса Христа собою.

Если наш, родной русский народ, выживет, он вышвырнет всё то, что окартавило, оциничило, опохотило, осексуалило, огыгыкало и обесовило вокруг дома его и в дому его, нищем и покачнувшемся, выбросит на помойку, но не забудет: кто наступал ему на материнский язык, кто лукавил за его спиною и торговал его авторитетом и дарованием.

“Аргументы и факты” в 15 номере за 2000 год “раскрутили” Земфиру:

“Свесив, болтали ботинками,

взвесив, болтали картинками”.

Или:

“Я ворвалась в твою жизнь, и ты обалдела,

я захотела любви, ты же не захотела”.

Певичка сама сочиняет, перебирает струны сама и сама на голос кладет – Высоцкий в юбке!.. Залы орут и плачут, встречая бардиху. Правда, Владимир Высоцкий не воспевал педерастов и лесбиянок. Эта – дальше пошла... Почему бы “Дню” не дораскрутить “раскрут”??? Более того: газета “День” – числится органом СП России – почему бы, а? Дискуссия...

На “первый”, “второй”, “третий” Владимир Бондаренко рассчитал их: Пушкина, Есенина, Высоцкого, но засумлевался – призвал скульптора, генерала, В. Клыкова подтвердить “открытие”, но не только замечательный художник и генерал Клыков не поможет Владимиру Бондаренко в очень лукавом “открытии”, а даже бы и, к примеру, маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский не помог бы: антирусская возня нам, русским, давно очевидна и давно опостылела, а народу русскому – ещё более противна, чем нам!.. Хотя в народе, любом, русском ли, еврейском ли, татарском ли – ценители “разносолов” найдутся, но и данный факт – не право навязывать отсебятину среди русского народа. Есенин:

Тот ураган прошёл. Нас мало уцелело...

* * *

Николай Бердяев, русский философ, считает, что человек, изобретая моторы и крылья, орудия труда и оружие уничтожения, постепенно теряет окружение красотой,

сиротливо погружается в неестественный атмосферный ритм не природы, из которой он сам вышел, а в тот, который он создал производствами. Философ жестоко провозглашает:

“Машина есть распятие плоти мира, вознесение на крест благоухающих цветов и поющих птиц. Это – Голгофа природы!..” К сожалению, почти вся русскоязычная поэзия – механическая, машинная: и Высоцкий, как Роберт Рождественский, как Борис Слуцкий, как Александр Межиров, как Иосиф Бродский, – машинный, гаечный, собирательно-свинченный!..

Я цитирую Есенина, тематически смыкая стихи его со стихами Высоцкого: о женщине, о надрыве, о капризах ошибок, но и всё равно – я сравниваю синее небесное облако с кучей наплывающего мазутного дыма. Так они разны и так они генетически несмыкаемы. Да, слово – душа, слово – зрение, слово – натура. Слово – понятие генетическое. Слово – природа.

Вдалбливая ученику и студенту Хазанова и Резника, нашпиговывая классы и аудитории “тезисами” Сороса, мы подвергаем духовному геноциду, расистскому обстругиванию русское детство и русскую зрелость, опустошаем русский народ и пожинаем – никчемность и пьянство, озлобление и дезорганизацию национального порядка и нрава в государстве: безбожие...

Я – целеустремлённый, деловитый,

Подкуренный, подколотый, подшитый.

Бомж, анализирующий свои внутренние резервы. А мы его – к Есенину:

Отгорела ли наша рябина,

Осыпаясь под белым окном?

Что поёт теперь мать за куделью?

Я навеки покинул село,

Только знаю – багряной метелью

Нам листвы на порог намело.

Русские хриstopродавцы, бизнецирующие на русской красоте, – интернациональные выскертки, стажёры вчерашних и завтрашних казнителей.

Из русского человека тоже может “воспитаться” русскоязычный поэт, если он с детства не впитал русскую речь: не услышал её мелодий и стонов, не увидел трепетных зорь её и громовых молний. А нерусскому невозможно стать истинно русским поэтом без сыновней любви и преклонения перед русским народом: я могу стать, например, башкирским поэтом, если я, родясь, устремлюсь духом в этот народ. Нельзя, презирая русский

народ, внести положительный вклад в культуру русского народа.

Я знаю критика, русского человека, но выросшего в еврейской среде как русскоязычного критика: он с равной симпатией пускается в рассуждения об орлином клёкоте стихов Павла Васильева и о воробьином чирикании стихов Саши Траурберга: русскоязычная половинчатость... А лезет в теоретики. И кто клюёт на приманку? Тощая нерусь и русский кретин.

Вечером синим, вечером лунным

Был я когда-то красивым и юным.

Если Бондаренко, Золотухин и Клыков с одинаковым “волнением” произносят эти, есенинские, строки и эти, строки Высоцкого, то о чем нам с ними говорить? О чём?

Жаль, на меня вовремя накинули аркан,

Я б засосал стакан – и в Ватикан!

Уркачество революционное. Уркачество расстрельное. Заблатненность лагерная. Трюкачество на сцене. Хохмачество в поэзии. Имитация – под народ, а народ-то хохмачам чужой: как они сымитируют его? Стервенеют.

Артур Шопенгауэр в “Афоризмах житейской мудрости” прямолинейно заключает, обращаясь к нам:

“То, что людьми принято называть судьбою, является в сущности лишь совокупностью учинённых ими глупостей”. Не торопитесь назначать русскоязычную серость в кумиры народу русскому, не меланхольте!..

Не утрашуся гибели,

Ни копий, ни стрел дождей, –

Так говорит по Библии

Пророк Есенин Сергей.

Русскоязычный, чуть ли не семидесятилетний министрель, обшоркавшийся оппозиционным негодованием между зданиями КГБ и ЦРУ, обретя в бдениях и в борениях редкостный вид измождённого хасида, до шипения, как рыгающий жаром Горыныч, пышет презрением ко всему русскому:

Крестилась общепитовка... Крестилась – созданная для смехушечек- посмехушечек... А по её лицу катились, как с иконных окладов, слезы.. Крестилась, торопясь в валютный бар, сверкая из-под мини белыми трусиками, красотка... Крестился лилипут с лилипутихой... А в храме веяло трупным запахом, сэндвичами из убиенных, а он – Христос. И это было воздухом Родины?.. Потому нехристи, мол, обвенчались, министрель и его, кажется, четвёртая любимая жена, в США. Дома брезгает... Аристократ.

Во – картина русского храма!.. А целил игрануть роль Христа, но опричники в ЦК КПСС не разрешили младшему опричнику причастить нас.

Если раздетую до трусиков пустили в России в церковь, то почему же не пустить в русский храм его, христопродавца, без юаня * смущения ринувшегося занять священное место Спасителя? Спидоносящие вши не обязаны отвечать за последствия?.. Драма Хама. И мы – фашисты...

Твоя задача непроста:

С предательства и блуда

Ты хочешь в облике Христа

К нам снизойти, Иуда.

Да, ты есть ты, но мы не те,

Мы трём ошибки к носу...

Христа распяли на кресте

По твоему доносу.

Морской песок, библейский лес.

Но мы - Ему знакомы.

Зачем же ты на нас-то, бес,

Стучишь из Оклахомы?!

И кто же фашист, страдающий за Христа или распявший Его? Провокатор.

И мы – перед Богом в долгу. И наказать нас есть за что. Ещё и теперь – через пустынный жирный оазис Марксовой карлобороды к русскому кресту пробиваемся... Потому и Михаилу Шолохову ищем замену не в брате его, так в прозаике Крюкове, а рукопись “Тихого Дона”, сказания осиянно-русского, до сего мига – в плутовских сейфах у витиеватых следопытов, а не у детей и внуков, не у законных наследников Шолохова.

Чудо-йогурт

Всем полезен,

Всем хорош!

Вот – цель бесовствующего барда. А дальше – доллар и баба. А ещё дальше – “Медиа-банк” и Канары, но за наш счёт. Потому и о Сергее Есенине они брызжут слюною заразой среди нас: уверены – никто из русских литераторов не одёрнет их, а ещё, да, ещё и меня, искромсавшего душу свою на острие миллионнозвёздных обелисков на могилах воинов русских, иной литературный лакей оскорбит и онаветит. Но Есенина-то зачем?

“Как мне объяснил Блюмкин, перед нами стояла задача весьма необычного характера: “Набить Есенину физиономию и кастрировать. Сделать это очень аккуратно, без общественной огласки.” * В “Англетере” ... “начали Есенина подначивать, что он, мол, половой гигант...” “... повалили его на кровать...” “... начали расстёгивать брюки...”

Такую кару, опираясь на Блюмкина и чекистского стукача, нарёк Троцкий, приревновав поэта к своей любовнице. Чего добиваются подлецы? Изъять из золотого списка бессмертных Сергея Есенина, отторгнув его от мудрого и гордого русского сердца осмеянием, жидовской поганостью и расистской ненавистью.

Почему бы не возмутиться Бондаренко? Почему бы не выступить в защиту Есенина? Разве унижен так Высоцкий или Окуджава? Рыночные расисты осволочились от

презрения, ослепли – как спокоен, как золотист, как зовущ Русский Свет, Вселенский Свет!!!

И в голове моей проходят роем думы:

Что родина?

Ужели это сны?

Моё отношение к барду Высоцкому – страдающее, а к смерти барда Высоцкого – скорбное. Но зачем пошатывать печально думающего Александра Блока? Зачем игнорировать чёрный факт – гибель русских поэтов, подтолкнутых к петле и отраве государственным равнодушием, хронической нищетой, грузом сиротства и бесквартирья?!

Николай Денисов – погиб. Брянск.

Владимир Устюжанин – повесился. Челябинск.

Александр Петров – из окна выбросился. Москва.

Дмитрий Блынский – спился. Москва.

Алексей Прасолов – повесился. Воронеж.

Владимир Мосинцев – нашли мёртвого во дворе. Челябинск.

Павел Мелёхин – выбросился из окна. Воронеж,

Евгений Маркин – сломался под неурядицами. Рязань.

Клавдия Холодова – раздавлена бытом и временем. Астрахань.

Иван Харабаров – погиб в Москве.

Николай Анциферов - погиб в Москве.

Борис Примеров – повесился. Переделкино.

Иван Лысцов – погиб в Москве.

Юрий Петров – погиб в Магнитогорске.

Николай Котенко – скончался в Москве.

Виктор Коротаев – скончался в Вологде.

Николай Рубцов – погиб в Вологде.

Вячеслав Богданов – погиб в Москве.

Сколько я перечислил-то? Половину? Нет. Горсточку имён. А ведь среди них – знаменитые есть, а у народа их отобрали: не разрешили им пожить и потворить нормально. У русских – Отечество отобрано.

Почему ты, Володя, молчишь о них? Я не ревную их к Высоцкому, но ведь они убиты чужою непогодью в избе русской, изувеченной налогами, похоронными извещениями, оптимистическими сочинениями безыменных и сельвинских, рождественских и гангнусов... Водочная и духовная отравы – из древнего жидовского шинка льётся.

Я допускаю: Влада Хохлова, разжиревшего на цековских пончиках, наняли за американские доллары антирусские рыночники травить и компрометировать русских патриотов, как Буш, ЦРУшный президент США, нанял Горбачева и Ельцина раскрыть СССР и упразднить Россию, замусорить и проторговать богатства и народы её. Псы не подвели хозяев.

Ворюги и убийцы правят нами. Кто защитит совесть и талант? Кто одернет растлителей на сцене, на экране и в газете? 25 ноября 2000г. “Московский комсомолец” гонорейным слогом Оксаны Семёновой издевается над русской нежностью и красотой:

“Влагалище – это обыкновенные мышцы, которые надо тренировать с детства...” “Вот мочевого пузыря или прямая кишка работают с самого рождения, а влагалище – простаивает. Неудивительно, что потом, когда мужчина проникает в женщину, он как в дыру проваливается...” “Главное условие хорошего секса – тугий вход, – считает Муранивский...”

Владимир Леонидович Муранивский изобрел “интимный тренажёр” – накачивает девиц и женщин за внушительную плату до оргазма, до гнусного разврата, шарит под животами пальцами, щипает, щекочет, кладёт на молодых мам чужих мужиков-тренажёров – эффект необыкновенный:

“Прошедшие курс “молодого бойца” дамы могут творить чудеса. Суперрезультаты своих учениц Муранивский записывает на плёнку. Там они стреляют тампонами из влагалища на расстояние до трёх метров, держат между ног подвешенные на специальный крючок гири и трёхлитровые банки с водой. Одним словом, превращаются в настоящих жриц любви”.

По Муранивскому, пройдохе, тоскует железная клетка: сколько же он отравил нежности, тайн, сколько же он разрушил семейных уз, сколько же он детей загубил во чреве матери, даже в мечтах супружеских?! Иногда газета “горюет”, дескать, малая рождаемость у нас, но заголовок над собственными “всхлипами” даёт расистско-ненавистнический: “БУДУЩЕЕ РОССИИ – НА КЛАДБИЩЕ!”

Разве – не фашисты? Разве – не нацисты? Разве – не оккупанты?

Кто Земфира – татарка или башкирка? Зачем она лесбийский интим проповедует в русском народе? Мать, слыша её, удивилась, её мать, а я бы, выпорол её за зэчковатое хотение – повалить подружку на спину и облобызывать... Чуди она в мусульманском мире – её угомонят быстро.

Высоцкий и Есенин, Окуджава и Пушкин, Бродский и Шолохов, Земфира и Русланова?.. Грош нам цена, русским, позволившим поощрять бездарь и разудалый блуд, извините за выражение, секс!.. Мы – сильный народ, мы – трагичный народ, мы – красивый народ, не ерничайте, нашельцы.

Антисемитизм – антирусская пресса. Охаивание и огыгыкивание русских – обруч на груди русского народа, и рано или поздно этот стальной обруч будет разорван. Я не с Владимиром Бондаренко ссорюсь, а с чёрным временем, ослепившем нас... Клыкову, лепя образ Сергия Радонежского, не удалось вылепить барда Высоцкого: поддергайчик получился, а не поэт. Бог наказал?.. Нам, русским патриотам, чего делить?.. Горе?

Пусть в полночи тихо говорят в Москве, бронзовые – Пушкин и Есенин, Лермонтов и Маяковский. Пусть и гитара барда тихо звенит. Но зачем вылезит на экран космический академик и, вертя башкою, ликует: “Мы на луну глядели романтично, целуя невест, читая стихи поэтов, а ныне она подошвами ботинок астронавтов истоптана – величайшая победа века и человечества!..” Да, учёный... Вот и мы порою истаптываем есенинский ромашковый луг “буцами прикольными” бардов. Не мешайте русским быть русскими и не ловите их белую вьюгу невымытыми лапами! Есенин:

Слышишь – мчатся сани, слышишь – сани мчатся.

Хорошо с любимой в поле затеряться.

А мы?.. Нам и в отцовском доме неуютно: слишком энергичны и нахраписты притязания “инопланетян” к нам, русским!

Птица полночи стонет и стонет,

Тяжела на болоте вода,

А за лесом, в пустом небосклоне,

Загорается нервно звезда.

Значит, завтра в пути окаянном

Снег настигнет нас или же дождь,

В поле, вспаханном трактором пьяным,

Некривого столба не найдёшь.

Одолевшие море и сушу

Непонятных народов сыны

Скособочили русскую душу

И легли у кремлёвской стены.

Избы, избы, погосты, погосты.

На курганах – распятая быль,

А в глазастые русские вёрсты

Сеет ветер библейскую пыль.

В страдных думах о хлебе и Боге

Утоленья счастливого нет,

Словно выронил я на пороге

Свет молитвы и матери свет.

И недаром, податлив от века,

Вздохом памяти крепок и густ,

Устремился тропой человека

Чуть колеблемый таловый куст.

Я ли честно с бедою не бился,

А висит надо мною укор.

Не жалею, что здесь я родился,

Удивляюсь, что жив до сих пор!

1995 - 2000

* Китайский денежный знак.

* Журнал “Ч и П”, № 6, 2000 г.